Протестная карнавальная культура

Прошедший в субботу митинг на проспекте Сахарова в значительной степени является продолжением линии карнавально-политической уличной культуры, которая стала активно развиваться в Москве в 2011–2012 годах и была прервана «Крымской весной», а также популяризацией «ужасов Майдана». В сознании ряда горожан произошло восстановление порванной «цепи времён», что создаёт (вернее, возрождает) для них новое мироощущение – пространство личной политической активности.

Можно, разумеется, найти серьезные содержательные и стилистические различия между митингами на Болотной, «Сахарова-1» и событиями 10.08.2019. Например, в ранний романтический период были активней проявлены лидерские компоненты протеста, визуальная креативность участников, многообразие вербальных и графических форм; серьезность и качество риторики превосходили текущую ситуацию. В значительной мере на характер выступлений влияла федеральная повестка, которая включала в поле активной критики первые лица государства.

Болотная смогла породить целый набор мемов, устойчивых смысловых конструктов, которые продолжали жить довольно долгое время. В целом, она создавала ощущение результативности усилий, возможности ещё через один шаг, ещё одно действие выйти на новый качественный уровень.

Нынешний период более беден в креативных проявлениях, эмоциональной интенсивности и более локален. Разумеется, он не дотягивает по численности: ссылки на субботний дождь, как фактор, помешавший удвоить аудиторию, менее убедительны по отношению к декабрьским морозам. С другой стороны, он более сложно комбинирует легальные и нелегальные форматы, ценностно уравнивая для большинства участников оба подхода. Можно также

отметить небольшое (часто преувеличенное) смещение групп протестующих в сторону молодежи. Однако в большей степени это смещение визуально формируется за счёт «прогулок» — форматов, вынесенных властью за рамки легитимности.

Однако названные различия не отменяют схожие основания: источник протеста — борьба среднего городского сословия за признание и перераспределение управленческих ресурсов в свою пользу. Сегодня это можно обозначить как «право горожанина на город», которого в настоящий момент у него, по сути, нет. Но и в 2012 году речь шла примерно о том же — о консолидации городских жителей перед отчужденной от них природой власти.

Вопрос: в какой точке произошёл перелом, позволивший протесту преодолеть узко политическую замкнутость, задаваемую Алексеем Навальным, и снова выйти на широкий общественный горизонт, без жесткой привязки к конкретным политическим лидерам? Таких моментов в недавней истории было два.

Первый — митинги вокруг московской реновации. Они сыграли с властью злую шутку, поскольку под видимостью неполитического, привязанного к локальной истории протеста позволили вновь вернуть в действие инструменты массовой мобилизации. Впервые после «болотной оттепели» они вновь легитимизировали протест как допустимую массовую практику. Важность этой истории состояла ещё в том, что она изменила вектор выступлений: не от федеральной тематики к региональному преломлению, а наоборот, от местных проблем к верхнему уровню. Дальнейшее развитие протестных выступлений шло именно по этой модели, от концентрации напряжения в одной географической точке к созданию напряжения в федеральном информационном поле. В ряде случаев местные власти, неискушенные в работе с массами и лишенные тех инструментов, которые были у федерального центра, не были готовы к такому повороту событий.

Второй поворотной точкой стала пенсионная реформа. Сама по себе она не создала сильной протестной волны. Но она стимулировала падение рейтинга федеральной власти, что

приобрело символическое значение в сознании потенциальных протестных групп. «Рейтинг падает, значит, лёд тронулся, значит, прежние факторы поддержки власти уже не работают», — таким было скрытое метасообщение момента.

Сегодня наиболее оправданной тактикой и власти, и оппозиции является максимальный уход на локальный уровень, работа с блокировкой или, наоборот, масштабированием местных историй. Здесь — основная точка уязвимости. Либо негативно настроенным к власти группам удастся создать ощущение, что страна — в огне конфликтов, либо власть покажет, что конфликт — чисто московская история сытого среднего класса и хипстеров.

Прошедший митинг также показал уязвимость организационных возможностей протеста. Слабая режиссура, низкий уровень выступлений, неумение консолидировать собранную массу в единую, обладающую собственной субъектностью группу, значительно снизили энергетику события. Митинг, скорее, способствовал выплеску, канализации протестных настроений, чем эмоциональному закреплению в качестве очередной ступени, от которой можно отталкиваться дальше. Однако в целом ситуация кажется подвешенной, обладающей большой степенью неопределённости. Если мягкая раскачка позволит рано или поздно подойти к роковому барьеру в 3,5% от общей численности населения на данной территории, изменения станут необратимыми.

Сравнение периодов митингов
2011-2012 гг. и 2019 г.

Параметры	2011-2012*	2019*
Численность	+	-
Концентрация на федеральной повестке	+	-
Концентрация на локальной повестке	-	+
Независимость протестов от лидерского фактора	-	+
Готовность к переходу границы легитимности, снижение уровня страха	-	+
Карнавальность (уровень креатива, вербальных находок)	+	-
Уровень публично выраженного внимания федеральной власти к протесту	+	-
Качество риторики оппозиции	+	-
Качество реагирования власти (поддержка, концентрация, креатив)	+	-
Омоложение протеста	-	+
Спонтанность	-	+
Интенсивность присутствия и эстетика силовой компоненты власти	-	+

**Плюсом отмечен период, когда указанный фактор был проявлен в более интенсивной форме.*

Подготовлено: ***Фирсов Алексей***